

В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок,
И взбурлят рекой самоцветы
Ослепительно веших строк.

Н. КЛЮЕВ.

Николай Алексеевич Ключев родился в деревне Коштуг Олонецкой губернии. Мать Ключева, Прасковья Дмитриевна, талантливая сказительница и плакальщица, обучила сына «грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости». Она же, когда Николаю исполнилось 14 лет, послала его к соловецким старцам «на выучку». В их библиотеке он познакомился с древними рукописными и печатными книгами.

Первые стихи Ключева вышли в 1904 году в Петербурге. Здесь же в 1915 году судьба свела его с Сергеем Есениным. Их называли «крестьянскими поэтами». Вот как, по словам К. Азадовского («Литературная газета» № 20, 1989 г.), реагировал на это Есенин: «Мы, Николай, — говорил он Ключеву, — не должны соглашаться с такой кличкой! Мы с тобой не низы, а самоцветная маковка на золотом тереме России; самое аристократическое, что есть в русском народе».

Факты личной судьбы Николая Ключева и его самобытные произведения надолго были вычеркнуты из истории нашей культуры в связи с гибелью поэта в волне репрессий 30-х годов.

Версия о Ключеве-кулаке была придумана критиками. В журнале «Печать и революция» в 1929 году Б. Ольховой, а затем Осип Бескин в статье «Бард кулацкой поэзии» обвинили Ключева в проповедовании новобуржуазной идеологии. Поэт, творчество которого питалось родниками великой древнерусской культуры, подвергся ожесточенным преследованиям и был сослан в Сибирь.

ПРОТОКОЛ

заседания коллегии ОГПУ (судебное) от 5 марта 1934 года.

Слушали:
...18. Дело № 3444 по обвин. гр. Ключева Николая Алексеевича по 58-10 ст. УК

Постановили:
КЛЮЕВА Николая Алексеевича заключить в исправительный лагерь сроком на пять лет, с заменой высылкой в гор. Колпашево (Зап. Сибирь) на тот же срок, считая с 2/II-34 г.

(Архивные документы публикуются впервые — Ю. Х.).

В Колпашево административно-ссыльный Ключев прибыл этапом 31 мая 1934 года. От Томска баржу, трюм которой был набит ссыльными, тащили на буксире. Прибыв на место, пришвартовались недалеко от здания Нарымского окружного отдела НКВД.

В письмах Ключева (опубликованных в «Новом мире» № 8, 1988 год) поражают краски и образы, которыми он рисует жуткую картину Нарымского края тех лет: «...все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев — давным-давно стал обглоданной костью. Вот он — знаменитый Нарым! — думаю я, ...Безмерно сиротство и бесприютность, голод и свирепая нищета, которую я уже

чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения, страдания и смерти человеческие здесь никого не трогают. Все это — дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве. Недаром остяки говорят, что болотный черт фодил Нарым грыжей...».

На мой взгляд, понятию человеческой нравственности противоречит позиция — скрывать имена палачей, участвовавших в геноциде против своего народа. Нельзя уводить от суда истории тех, кто совершал преступления, прикрываясь интересами их ныне живущих детей. Имена палачей должны быть названы вместе с именами их жертв. Это также необходимо сделать во имя светлой памяти 20 тысяч чекистов, отказавшихся участвовать в репрессиях и погибших в годы произвола.

Газета «Правда» («Обнаженный яр», 11 мая 1989 года) назвала имена сотрудников Нарымского окрестдела НКВД. В их ряду шли свою «нелогкую службу» и те, кто распорядился судьбой Н. Ключева в Колпашеве и Томске: Мартон, Шкоцкий, Подольский, Басов, Веледерский и другие.

Распускаю серые завязки дела № 47165. Затянутые в 1937 году, они более полувека хранили тайну гибели поэта.

Пожелтевшие страницы документов, как пулеметной очередью, перетянуты наискосок резолюциями: «Осужден по 1 категории тройкой. Особочетник. Кон. ср. 2/11-39 г.; В дело массов.».

Нетрудно догадаться: массов. — массовых репрессий.

Первую запись в деле особочетника ссыльного Ключева сделал полномоченный Нарымского ОГПУ Шкоцкий.

Из анкеты арестованного, заполненной 31 мая 1934 года Шкоцким, узнаем: Ключев Николай Алексеевич, «писатель-поэт», немущий, из крестьян, русский, проживал в Москве, по пер. Гранатный, 12, кв. 3.

Видимо, с большим пренебрежением относился полномоченный Шкоцкий к ссыльному. Иначе не объяснишь торопливость, ошибки, невнимательность при составлении документа. Понятна и его издевка, когда о высокообразованном русском интеллигенте поэте Николае Ключеве он пишет в анкете: образование — низшее.

В письме своему другу поэту С. Клычкову («Новый мир», стр. 168) в июне 1934 года из Колпашева Ключев писал:

«Я сгорел на своей Погорельщине, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на острове пустозерском. Кровь моя волею-неволей связует две эпохи: озаренную смолистыми кострами и запалами самосожжения эпоху царя Феодора Алексеевича и нашу, так юную и потому многогрозную. Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, вновь опухоль, сильнейшее головокружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев — бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитый ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги... Мерзлый нарымский

**КРАСНОЕ
ЗНАМЯ**

18 ИЮНЯ 1989 ГОДА
№ 141 (20661)

торфяник, куда стащат безгробное тело мое, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания ни убавить, ни прибавить».

Клюев прожил в Колпашеве чуть больше четырех месяцев. Ему, больному, оставаться на зиму в поселке означало верную смерть. Не было ни одежды, ни пищи, ни денег, ни медицинской помощи. Переживая «зенит своих художнических способностей», Клюев старается добиться перевода в Томск. Он пишет заявления во ВЦИК, письма друзьям в Москву.

Их ходатайства за Клюева перед Оргкомитетом Союза советских писателей, которым руководил А. М. Горький, а также перед властями помогли облегчить участь поэта и организовать его перевод в Томск.

«На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в город Томск, это на тысячу верст ближе к Москве. Такой перевод нужно принять как милость и снисхождение, но, выйдя с парохода в ненастное и студёное утро, я очутился второй раз в ссылке без угла и без куска хлеба. Уныло со своим улом я побрел по неизмеримо грязным улицам Томска...»

Еще находясь в Колпашеве, Клюев очень переживал, что если его перевод не состоится до 20 октября, то он будет обречен провести зиму в Нарыме. После отправки вверх по реке последнего парохода всякая связь прерывалась на время ледостава и до тех пор, пока не пробьют зимник по Нарымскому тракту.

В публикации С. Суботина в «Новом мире» высказывается предположение: между 6 и 11 октября 1934 года Клюев был переведен из Колпашева в Томск. Точную дату перевода поэта из Колпашева можно установить по справке.

Нарымский окрестел НКВД настоящим сообщает, что административный КЛЮЕВ Николай Алексеевич высыл в гор. Томск 8 октября 1934 года.

Нач. Нарым. О/О НКВД
Вр. ОП. Упол. УСО

Мартон
Шкодский

Можно предположить, что перевод Клюева в Томск именно в эти сроки был результатом заступничества кого-то из высоких «чинов НКВД», потому что официальное решение о переводе Клюева было принято полтора месяца спустя.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Народном Комиссаре
Внутренних Дел СССР
от 17 ноября 1934 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

37. — Пересмотр дела № 3444 гр. КЛЮЕВА Николая Алексеевича, приг. по ст. КОЛ. ОГПУ от 5.3.34 г. к заключен. в ИТЛ сроком на ПЯТЬ лет с заменой высылкой в г. Колпашево на тот же срок.

КЛЮЕВУ Николаю Алексеевичу разрешить отбывать оставшийся срок наказания в г. Томске.

Отв. Секретарь Особого Совещания
Томский период жизни Николая Алексеевича
Клюева можно воспроизвести по его письмам («Новый мир» № 8, 1988 год).

В письмах был длительный перерыв: с начала марта по июль 1936 года от Клюева не было получено ни одного письма. Почему? С. Суботин высказал предположение: «Клюева лечили в больнице, находящейся на «острожном режиме». По версии В. Ф. Кропанева («Новый мир»,

стр. 196), его арестовали. Сейчас можно документально подтвердить, что Клюев был арестован 23 марта 1936 года и привлекался к ответственности как участник церковной крестьянской группировки. Освободили его 5 июля 1936 года «в виду его болезни — паралича левой половины тела и старческого слабоумия».

В письме к жене поэта С. Клычкова Варваре Николаевне Горбачевой. Клюев завуалированно сообщил о своем аресте:

«Очнулся от летаргического сна, дорогая Варвара Николаевна. Четыре месяца был прикован к постели; разбит параличом и совершенно беспомощен. Отнялась левая рука и нога и левый глаз закрылся (несколько слов утрачено) сослав в Туруханский край (несколько слов утрачено) мои не выдержали, к тому же я непоправимо болен пороком сердца в тяжелой форме. Все это удостоверили врачи по распоряжению местного НКВД...»

Свой арест он маскирует болезнью и в письме к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: «С марта месяца я прикован к постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего, только 5 июля».

Разбитый параличом Клюев терпел невыносимые тяготы:

«Теперь я в своей комнатке среди чужих людей, которым я нужен, как собаке пятая нога. День и ночь лежу, сегодня первый раз сполз к столу и, обливаясь потом от слабости, пишу Вам... Тоскую невыразимо, под несметными избятыми мухами — лежу в духоте, давно без бани, вымыть некому, накормить тоже. Левая рука висит плетью. На ногу ступаю маленько. Она распухла, как корчага».

Человек глубоко одаренный, обладающий высоким интеллектом, Клюев был вынужден пребывать в унижении, переносить презрение и хамство окружающих его людей:

«...лежал три недели в смертном томлении, снах и видениях — под гам, мерзкую ругань днем и смрад, и храпы ночью. Изба полна двуногим скотом — всего четырнадцать голов. Не ему мои песни... Но блажен тот, кто и скота милует!»

«...Анна Исаевна — моя хозяйка по квартире, властная базарная баба, взялась меня кормить за 75 р. в месяц. На исходе месяца начинаются справки — получил ли я перевод и т. п. Следом идут брань, придирки. Очень тяжело. Слез моих не хватает. И я лежу, лежу... С опухшей, как бревно, ногой, с изжелта-синей полумертвой рукой».

«Мороз под сорок. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подают картошку, очень редко хлеб. Деньгами от двух до трех рублей...».

Все эти письма относятся к периоду жизни Николая Алексеевича по адресу: пер. Красного Пожарника, 12.

Но были в томский период жизни Клюева и светлые моменты. Дом по Старо-Ачинской, 13, — его последний, до ареста, приют. Здесь он обрел покой, теплоту русских сердец и смог погрузиться в работу.

Мне удалось найти и выслушать живого свидетеля последних месяцев жизни поэта.

По командировке газеты «Красное знамя» я побывал в Алма-Ате у Сергея Васильевича Балакина — сына тогдашней хозяйки дома по Старо-Ачинской, 13. Ему 74 года, но встречи и общение с Николаем Алексеевичем Клюевым свежи в его памяти.

«Я вернулся из армии. Радостно ворвался домой,—рассказал Сергей Васильевич.—Увидев меня, мама очень обрадовалась, но тут же предупредила: веди себя потише. У нас живет очень интеллигентный человек, писатель. Он сильно болен».

Сергей Васильевич нарисовал план их квартиры и комнаты, которая была выделена Ключеву. Обозначил место, где стояла его «варшавская» кровать с панцирной сеткой.

«Мама была по профессии медработником. Она ухаживала за больным Николаем Алексеевичем, давала ему лекарства, купала в большой деревянной ванне. Ключев носил серый пиджак, косоворотку и брюки наивыпуск. Были у него валенки с азиатскими галошами. Левую руку он почти не вытаскивал из кармана: она была парализована».

Еду Николаю Алексеевичу подавали в комнату. Он очень любил борщ и овсяный кисель, которые мама ему готовила. После завтрака он подолгу работал, писал, а после обеда отдыхал: читал нам стихи, ходил на Ушайку. По воскресеньям обедали все вместе, усаживаясь в комнате за большим столом. Иногда Николай Алексеевич любил готовить сам».

Сергей Васильевич задумывается, мысленно возвращаясь к тем далеким дням: «Николай Алексеевич постоянно читал газету «Красное знамя», журнал «Вокруг света», которые выписывались в доме. А знаете, как он читал свои стихи? Я очень любил его слушать».

В строчках, которые Ключев написал в Томске и которые вспомнил Сергей Васильевич, поэт представил повергнутую Россию, уничтоженного и оторванного от своих исконных земель мужика: «От Москвы до Аляски — кулацкий обоз, Сломанные косточки, крови горсточки...».

О том, что Ключев написал в Томске несколько поэм, он пишет В. Н. Горбачевой: «Передайте ему, что я написал четыре поэмы...». Кроме названных строк, Сергей Васильевич передал мне еще названия двух поэм, написанных Ключевым. О томских стихах Ключева рассказывала и В. В. Ильина, знавшая Николая Алексеевича».

Хочется немного рассказать о семье Балакиных, которые приютили поэта в последние месяцы его жизни и проводили его в последнюю печальную дорогу.

Мария Алексеевна Балакина, в девичестве Зоркальцева, родилась в селе Зоркальцеве под Томском. Ее муж, Василий Петрович Балакин, был инженером, работал заведующим мельницей, на паровом котле, начальником электростанции. После гражданской войны под его руководством за три месяца был восстановлен золоторудник «Онон» в Забайкалье.

Василий Петрович в 1926 году трагически погиб вместе с маленьким сыном Женей. После гибели мужа и ребенка Мария Алексеевна с двумя детьми — Лизой и Сергеем — переехала в Томск. В ее доме и провел последние месяцы до ареста Николай Ключев.

Как обской прибой, накатывалась волна террора на Сибирский край. Известно, что летом 1937 года по республикам, краям и областям направлялись особоуполномоченные, чтобы наладить и обеспечить выполнение указаний об усилении репрессий.

О наступившей летом 1937 года полосе арестов, в которую попал Николай Ключев, вспоминает и В. В. Ильина («Новый мир», стр. 201).

Жернова террора работали с утроенной быстротой. В 1934 году дело Ключева было рассмотрено 5 марта восемнадцатым по счету (в день). Дело, по которому Николай Ключев был приговорен «к высшей мере социальной защиты — расстрелу», рассматривалось 13 октября 1937 года шестьдесят пятым в этот день.

На основании своих исследований берусь утверждать, что, не последуй арест, а затем и

расстрел Николая Ключева, несмотря на все свои болезни, он мог бы еще работать и творить. В первом протоколе допроса твердой рукой поэта стоит подпись: «К сему Н. Ключев». В последнем протоколе допроса, после четырех месяцев тюрьмы, в подписи «Ключев» нет ни одной прямой линии. Кое-как подпись выведена волнистыми черточками по 1—2 миллиметра.

То, что дело «об активной сектантской деятельности и непосредственном руководстве контрреволюционной деятельностью духовенства и церковников» было сфабриковано, подтверждается не только последующей реабилитацией Николая Ключева. В своем письме от 23 февраля 1936 года он писал: «В Томске есть кой-кто из милых и тоскующих по искусству людей, но я боюсь знакомиться с ними из опасения, как бы наша близость не была превратно понята». («Новый мир», стр. 191.)

«К нему никто не ходил, кроме одного геолога. Его имени я не помню», — рассказал Сергей Васильевич Балакин. Скорее всего, речь идет о геологе Ростиславе Сергеевиче Ильине, жившем в Томске и общавшемся с Ключевым.

Из рассказов бывших работников НКВД удалось выяснить, что тюрьма в Томске находилась на ул. Пушкина. Расстрелы проводились, как правило, с часу до четырех часов ночи. Жилой городок для сотрудников НКВД находился на территории тюрьмы. Тех, кого везли на расстрел, вывозили на телегах или санях по три-четыре человека. Их укрывали, чтобы не было видно. Везли к ямам в сторону Каштака, там и расстреливали. Одну яму заполняли по несколько дней. Справку оформляли, как «зарюют» яму. В Томске тогда была популярна частушка: «Я поеду на Каштак, на зеленую горку. Заработаю пятак себе на махорку». Так зарабатывали на закапывании ям.

После этого рассказа мне стало понятно, откуда в справке о приведении в исполнение приговора в отношении Ключева появилось: «Приговор приведен в исполнение 23—25 октября 1937 года».

Частицей своего сердца мы соприкоснулись с судьбой талантливейшего русского поэта, создавшего своеобразную поэзию «кондовой расписной Руси». Прах его покоится рядом с нами.

Дом по Старо-Ачинской, 13, подвергся в 1947 году некоторой реконструкции. Бревна нижнего и верхнего рядов были заменены, убраны русские печи. Нынешний хозяин дома Виктор Андреевич Пономаренко во время ремонта обнаружил в доме церковный служебник Санкт-Петербургского издания на старославянском языке, который вполне мог принадлежать Николаю Ключеву. На обложке была дарственная надпись, которую мы сейчас пытаемся восстановить.

Надо полагать, сегодняшние поиски не закрывают последней страницы томских лет жизни Ключева, могут быть и есть другие находки, воспоминания, документы, известные томичам. Дело нашей чести — документально, исторически точно восстановить томские годы жизни Николая Ключева. Здесь нужны бережность и такт.

К сожалению, досадны ошибки в статье Л. Пичурина «Винным себя не признал...» («Красное знамя», 17 февраля 1989 года). Автор пишет, что Ключев никогда не состоял ни в какой партии, не занимался никакой общественной — политической деятельностью. Известно, однако, что в 1918 году в Вытегре Н. А. Ключев вступил в партию большевиков. Исключен он был из партии 4 мая 1920 года Вытегорским губкомом РКП(б) за то, что склонялся к мысли, что «в учении Христа есть общее с идеей коммунизма» («Вологодские зори», М. 1987 г., стр. 187).

В 1906 году Ключев был арестован и просидел полгода в тюрьме за участие в движении крестьян Олонечной губернии и за связь с Всероссийским крестьянским союзом (там же, стр. 186).

Николай Ключев участвовал во всех русских революциях и создал целый ряд произведений революционно-пропагандистского характера. Цикл стихов о В. И. Ленине он переплет отдельной книжкой и через делегата Всероссийского съезда Советов Архипова передал Ленину. Этот сборник с надписью: «Ленину от морской поморской зари, от ковриги-матери из русского рая красной словесный гостинец посылаю я — Николай Ключев» хранится в кремлевской библиотеке.

Есть данные, что родился Н. А. Ключев 10 октября 1884 года («Поэзия народных традиций», АН СССР, 1988 г.), а не в 1887 году, как пишет Л. Пичурин.

Думается, без достаточных оснований Л. Пичурин исходит из посылки, что томское НКВД искало и на-

шло в Ключеве руководителя «Союза спасения России». Найденные сегодня архивные документы не позволяют утверждать это.

И еще одно субъективное впечатление. На мой взгляд, автору публикации «Виновным себя не признал...» не совсем удалось показать, что в трагедии Н. А. Ключева как в капле воды отразилась трагическая судьба русской интеллигенции, подвергшейся преднамеренному уничтожению.

Ю. ХАРДИКОВ,
член Союза журналистов.

Семья М. А. и В. П. Балакиных, в которой провел последние месяцы жизни Н. А. Ключев.

Сергей Есенин и
Николай Ключев.

**КРАСНОЕ
ЗНАМЯ**

18 ИЮНЯ 1989 ГОДА
№ 141 (20661)

Стихотворения Николая Клюева

***

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомск
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок,
Сороки хохлятся — к капели,
Дорога пегая — быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.
И луч бежит в переполохе,
Нырнет в хвой, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Спотворней бабкиных речей;
«К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь...»
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.
Лишь в поставце, как скряга злато,
Теленя мисля и удой,
Подойник с крынкою щербатой
Тревожит сумрак изынной.

***

Правда ль, други, что на свете
Есть чудесная страна,
Где ни бури и ни сети
Не мутят речного дна;
Где не жнетса супостатом
Всколосившаяся вновь
И сумой да казематом
Не карается любовь,
Мать не плачется о сыне,
Что безвременно погиб
И в седой морской пучине
Стал добычей хищных рыб;
Где безбурные закаты
Не мрачат сиянья дня,
Благосенны кущи-хаты
И приветны без огня.
Поразмыслите-ка, други,
Отчего ж в краю у нас
Застит таежные вьюги
Зори красные от глаз?
От невзгод черны избушки,
В поле падаль и навоз
Да вихрастые макушки
Никлых стонущих берез?
Да маячат зубья борон,
Лебеду суля за труд,
Облака, как черный порок,
Темь ненастную несут?

***

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!
Наши юноши — в тучах орлы,
Звезд задумчивей девушки наши.
Город — дьявол копытами бил,
Устрашая нас каменным зевом.
У страдальческих теплых могил
Обручились мы с пламенным тневом.
Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы,
Где на правду оковы ковались...
Не забыть, как с детьми отцы
И с невестою милой прощались...
Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...
В золотой победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.
Поле Марсово — красный курган,
Храм победы и крови невинной...
На державу лазоревых стран
Мы помазаны кровью орлиной.

5

Изба — святилище земли,
С запечной тайною и раем;
По духу росной конопля
Мы сокровенное узнаем.
На грядке веников ряды —
Душа берез зеленоустых...
От звезд до луковой гряды
Все в вешем шепоте и хрустах.
Земля, как старище-рыбак,
Силетает облачные сети,
Чтоб уловить загробный мрак
Глухонемых тысячелетий.
Провижу я: как в верше сом,
Заплещет мгла в мужицкой длани,
Золотобровный, отчий дом
Засолнцевет на поле.
Пшеничный колос — исполни
Двор осенит целящей тенью...
Не ты ль, мой брат, жених и сын,
Укажешь путь к преображенью?
В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила,
Рязанский маковый закат —
Твои певучие чернила.
Изба — питательница слов —
Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов
Ты станешь Радунницей красной.
Так не забудь запечный рай,
Где хорошо любить и плакать!
Тебе на путь на вечный май
Силетаю стих — матерый лапоть.
«Поэту Сергею Есенину».